

Прищепа Александр Иванович

СУРГУТ В НАЧАЛЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье отражены причины выбора села Сургут Ханты-Мансийского автономного округа в конце 1950-х гг. в качестве основной геологоразведочной площадки поисковых работ на нефть с учетом накопленного в 1930-1940-х гг. исследовательского материала о его возможной нефтеносности. Анализируются географические причины, обусловившие особое внимание к Сургуту как опорной базе начала разбуривания перспективных территорий Среднего Приобья. В статье также нашла отражение неоднозначная реакция местных властей на принятие решения о начале нефтеразведочных работ именно в Сургутском районе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 131-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье отражены причины выбора села Сургут Ханты-Мансийского автономного округа в конце 1950-х гг. в качестве основной геологоразведочной площадки поисковых работ на нефть с учетом накопленного в 1930-1940-х гг. исследовательского материала о его возможной нефтеносности. Анализируются географические причины, обусловившие особое внимание к Сургуту как опорной базе начала разбуривания перспективных территорий Среднего Приобья. В статье также найдено отражение неоднозначной реакции местных властей на принятие решения о начале нефтеразведочных работ именно в Сургутском районе.

Ключевые слова и фразы: геологоразведка; нефтегазовое месторождение; градостроение; социальное развитие; жилищная проблема; населенный пункт; строительные материалы; транспортная инфраструктура; миграция.

Прищепа Александр Иванович, д.и.н., профессор

Сургутский государственный университет

aiprishepa@yandex.ru

СУРГУТ В НАЧАЛЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

13 сентября 1957 года в селе Сургут высадилась нефтеразведочная экспедиция под руководством Ф. К. Салманова. Ей суждено было сыграть решающую роль в открытии крупнейшей в стране энергетической провинции, до сегодняшнего дня сохраняющей важное значение для обеспечения стабильного экономического и геополитического положения нашего отечества, а Сургуту – стать городом с развитой промышленностью и инфраструктурой, с одним из самых высоких в России уровнем жизни и социокультурного обеспечения населения.

В этой связи полагаем целесообразным сказать, что работа его экспедиции явилась естественным продолжением геологических изысканий предшествующего периода. Первые мнения относительно нефтяной проблематики территории Западно-Сибирской низменности появились ещё в 1896 г. в работе Н. К. Высоцкого «Очерк третичных и послетретичных организаций Западной Сибири». В ней автор представил первую схему стратиграфии их отложений [3, д. 30, л. 8]. В 1930-е – сер. 1950-х гг. территория Среднего Приобья являлась предметом пристального геофизического, сейсмического, гравиметрического, магнитометрического, электрического и аэромагнитного исследования специалистами треста «Западно-Сибирской нефтегеологии» (Запсибнефтегеология), Тобольской аэрогеологической партии (ТЭП) Западно-Сибирского геологоразведочного управления (ЗапсибГУ), Обской аэрогеологической экспедиции (ОАЭ), Всесоюзного Аэрогеологического государственного треста (ВАГТ), Омской геологической конторы (ОГК), Тюменской (ТГЭ) и Колпашевской (КГЭ) геофизических экспедиций [Там же, л. 12].

В тексте «Справки геолого-геофизической изученности района работ проекта Новосибирского треста на производство профильного структурно-поискового бурения в районе Сургута-Тундрино» содержится мнение его специалистов о том, что «отсутствие прямых признаков нефтегазоносности в районе проектируемых буровых работ еще не может считаться отрицательным фактором в оценке ее перспектив... Признаки нефтегазоносности могут вполне отсутствовать, потому что предполагаемые нижнемеловые отложения залегают на очень больших глубинах порядка 3000 метров и именуют, в частности в Ханты-Мансийском районе, небольшие углы наклона пластов. Кроме того, возможные коллекторы нефти и газа перекрыты мощными пачками непроницаемых глин». Из документа следует, что косвенные признаки нефтегазоносности были установлены в Ларьякской, Покурской, Уватской и Большереченской скважинах. Фактическим материалом, полученным в результате бурения глубоких скважин на территории Западно-Сибирской низменности, было установлено, что центральные районы низменности, в частности Ханты-Мансийская впадина, «являются наиболее перспективными с точки зрения их нефтегазоносности» [Там же, л. 18-19].

Таким образом, к моменту прибытия в Сургут нефтеразведки Ф. К. Салманова предполагаемые площади его регионального изучения уже были достаточно глубоко исследованы его предшественниками, что в нашей исторической литературе пока не нашло должного освещения.

Более того, ряд сторонников академика Губкина в «Запсибнефтегеологии» считали, что нефтегазоносность северных районов Западно-Сибирской низменности уже доказана при испытании скважины 2-Р на Колпашевской площади, когда были встречены нефть и высокоминерализованные хлоридные воды [Там же, л. 17]. В 1957 году признаки нефтегазоносности были получены при испытании Александровской скважины 1-Р на Назинской площади в интервале глубин 2342-2310 метров. Из отложений Средней Юры был получен приток нефти с дебетом до 50 литров в сутки. По их мнению, «теперь работа геологоразведки должна быть направлена на поиски коллекторов, способных вмещать в себя нефть и газ» [Там же].

Следовательно, этот документ также контрастирует с существовавшим в мемуарах мнением о сдержанном отношении руководства треста «Запсибгеология» к развертыванию широкомасштабных поисковых работ на нефть на Сургутской территории [10, с. 136-137].

В основополагающем для деятельности экспедиции Ф. К. Салманова «Проекте на производство профильного бурения» предусматривалось в 1958-1959 гг. построить жилых рубленых домов объемом 5000 куб. м, дощатых сараев – 1000 куб. м, гараж, склад ГСМ, медпункт, материальный склад, ясли, контору, механическую мастерскую, котельную и другие подсобные производственные сооружения [12, с. 60].

Такой многотоннажный груз в тех транспортных реалиях севера Западной Сибири возможно было доставить только по воде. Поэтому Сургут неслучайно стал центром проектируемых буровых работ на профилях Средней Оби. Главным аргументом выбора Государственной комиссией базовой площадки для нефтеразведки являлось расположение ее на водной магистрали. Только реки могли обеспечить доставку необходимых грузов и механизмов, а территории, расположенные по берегам, имели более благоприятные природные условия их разгрузки, размещения и транспортировки. Поэтому все новые поселения Тюменской области располагались на магистральных водных путях. Выбранные площадки будущих городов – Урая, Нефтеюганска, Нижневартовска и других – так же как, в Сургуте, характеризовались спокойным рельефом, залесенностью и некоторой заболоченностью. Эти факторы являются характерными для любой пригодной для строительства площадки в этом регионе.

Вместе с тем, село Сургут имело и ряд преимуществ. В то время оно являлось самым крупным населенным пунктом выбранной территории разбуривания. Сургут являлся районным центром. Все другие населенные пункты, включавшие в себя деревни Юган, Угут, Ачамовы-2, Тюмкины, Каймысовы, Белый Яр, Пилюгино, Сайгатино, Тундрино, располагались на значительном расстоянии друг от друга и насчитывали не более десятка дворов. Часть из них размещалась на реке Малый Юган, которая являлась судоходной только в период высокого стояния вод на протяжении 450 км от устья до деревни Каймысовы. Коэффициент ее извилистости был достаточно высок, а верховья сильно засорены валежником, карчами и топляком. Кроме того, на реке имелись перекаты, особенно многочисленные в ее верховьях. Все это сильно затрудняло, а местами делало невозможным судоходство и передвижение плавучих буровых установок. Из-за мелководья бурение многих скважин необходимо было производить на берегу [3, д. 30, л. 27].

Таким образом, полноводная и широкая река Обь, достигающая в районе с. Сургут ширины более двух километров, имела в этом отношении неоспоримые преимущества перед М. Юганом. Кроме того, достаточно благоприятные коммутационные условия транспортной связи с промышленными базами Ханты-Мансийска и Колпашево, расположенными по сибирским меркам на сравнительно небольшом расстоянии от Сургута, создавали наиболее оптимальные возможности поставок горючесмазочных материалов и продуктов, что еще более усиливало административный потенциал будущей метрополии сибирской нефтегазовой провинции.

В 1957 году Сургут представлял собой два отдельных населенных пункта: собственно Сургут и расположенный в двух километрах от него поселок Черный Мыс с общим населением примерно пять тысяч человек. В самом Сургуте проживало около трех тысяч человек. Это были преимущественно рабочие рыбоконсервного завода и члены колхоза «Путь Ленина» со своими семьями. Здесь имелись пристань госпароходства, аэродром, гидропорт, рыбоконсервный завод, моторнорыболовецкая станция, рыболовецкий кооператив, начальная, семилетняя и средняя школы, маслозавод, детские ясли, медпункт, дом культуры, две столовые, пекарня, магазины, районный банк и почта [Там же, л. 3-4].

Тогда, по воспоминаниям старожилов, «наш Сургут был еще совсем маленьким, сплошь деревянным и занимал своими избами и дворами пространство полуострова от Саймы до современной улицы Энгельса-Университетской. Но все равно люди делили свое поселение на две почти равные части. На “верх” и “низ”. Все, кто жил на восток от центральной улицы Народной, назывались “верховские”, на запад – “низовские”. Если бы такое деление сохранилось до наших дней, то, допустим, горвоенкомат и Дом памяти и согласия оказались бы “верховскими”, а здания администрации и газеты “Новый город” – “низовскими»» [Там же, л. 3]. Тогда сургутские стороны и направления определялись по течению реки Оби.

Решение о разворачивании здесь геологоразведочных работ на нефть круто изменило патриархальную жизнь села Сургут. Следует отметить, что оно не вызвало столь оптимистического настроения у местных руководителей, каковым может сегодня показаться. Вопреки этому мнению, краевед Флегонт Показаньев писал: «Когда Салманов в июне (*мае* – А. И.) впервые появился в Сургутском райкоме партии, его доводам о высокой нефтеносности территории верили с трудом» [9, с. 60].

Наиболее полно об этом можно судить на основании воспоминаний Ф. К. Салманова о его первом приезде в Сургут в мае 1957 года, который был, по его собственному признанию, «в нравственном отношении самым важным» [11, с. 49]. Автор мемуаров писал, что встреча с руководителями района была теплой и дружелюбной. Однако упоминание о том, что В. П. Лагутин, осуществлявший окончившиеся неудачей в 1952 г. нефтеразведочные работы в Покуре, скоро вернется искать сургутскую нефть, оптимизма у первого секретаря районного комитета партии Виктор Гаврилович Бахмата не вызвало [12, с. 49].

Настороженно встретил гостей и директор рыбокомбината Г. С. Максимов: «В Покуре два года бурили-бурили и, ничего не найдя, смотались». Особенно недружелюбно был настроен председатель райисполкома, категорически выступивший против выбора первой площадки под базу будущей экспедиции, повторяя: «Геологи здесь пробудут недолго, испортят площадку, а для расширения райцентра места и так мало» [11, с. 56].

Тем не менее, общий итог того «официального визита» был положительным. «Споры окончились тем, что мы выбрали другую площадку в конце Черного Мыса и получили окончательное разрешение местных властей на ее производственное обустройство и жилищную застройку» [12, с. 60].

Оптимальным вариантом решения этих задач стало бы объединение сил районного центра и экспедиции при взаимном учете интересов. Однако экономические возможности Сургута не являлись столь обнадеживающими, как хотелось бы. В населенном пункте ощущался острый недостаток жилья. Многие рабочие рыбной и лесной промышленности проживали в непригодных и прогнивших строениях. На Сургутском рыбоконсервном заводе приходилось всего 4 кв. м жилой площади на человека при норме по стране 9 кв. м. Чтобы полностью удовлетворить потребности рабочих и служащих в жилье, консервному заводу нужно было построить 7764 кв. м жилой площади, отделу народного образования для обеспечения учителей квартирами

необходимо было предоставить им 918 кв. м жилых помещений, а хозяйств исполкома должна была сдать 500 кв. м коммунального жилья для своих работников [2, д. 19, л. 80].

Однако в 1947-1957 гг. хозяйств исполкома райсовета не построила ни одного жилого дома, объясняя это обстоятельство отсутствием средств. Сургутский рыбозавод за 1955-1957 гг. ввел в эксплуатацию только четыре четырехквартирных дома, райпотребсоюз за это время построил всего два дома и десять квартир [Там же]. Сургутский леспромхоз из 20 щитовых домов, завезенных в навигацию 1957 г., собрал всего два, а остальные были брошены в разобранном виде на берегу реки Черной, хотя в леспромхозе ежегодно десятки рабочих увольнялись из-за отсутствия жилья. Райпромкомбинат, как и хозяйств исполкома райсовета, оказался не в состоянии выделить средства на жилищное строительство [Там же].

Надежды на улучшение жилищного положения сургутян были весьма призрачными. Райпромкомбинат и Промартель им. С. М. Кирова, производившие стройматериалы, работали крайне плохо. Райпромкомбинат в 1957 году недодал району оконные и другие переплеты, столярные и плотницкие изделия. Кирпич приходилось возить из Ханты-Мансийска, так как другие местные предприятия его не выпускали. «Никакой подготовительной работы, кроме подвоза дров в промартель, не производится. На кирпичных заводах все имеющиеся механизмы занесены снегом, не отремонтированы и не проверены, сушильные сараи не реконструируются, бригады не укомплектованы, жилые помещения для рабочих не подготовлены», – так отмечается в документе райисполкома [Там же, л. 4].

Транспортные возможности Сургута 1957 года Ф. К. Салманов со свойственным ему юмором характеризовал следующим образом: «Как выяснилось, транспорт мощностью в одну лошадиную силу был самым распространенным в Сургуте. Автомашин здесь совсем не водились» [11, с. 61]. Это метафорическое утверждение темпераментного Фармана Курбановича нуждается в уточнении, так как известно, что машинно-тракторная станция в Сургуте была создана в 1940 г., первая машина ЗИС-5 появилась в 1952 г., а электроэнергия – в 1954 г. А на Черном Мысу она была подключена еще раньше, с началом строительства рыбозавода в 1928 г. [7, с. 24]. Однако в целом мемуарист прав в том, что это было маломощное, патриархальное хозяйство, строительный потенциал которого существенно не менялся до 1964 г. В мае того года в Сургут приехал специальный уполномоченный, назначенный вскоре руководителем основного строительного главка Западной Сибири – «Главтюменнефтегазстрой», – А. С. Барсуков. Он вспоминал: «Там ничего не было. Ни-че-го. Есть такой город Сургут. Теперь это город. Тогда там было три лошади, один самосвал и тридцать четыре или тридцать пять человек. Условия снабжения были тяжелейшими. Например, кислород для газосварки приходилось возить за полторы тысячи километров из Томска и Новосибирска» [11, с. 75].

Очевидцы вспоминали такую экзотическую деталь жизни первых сургутских строителей: «Ездить поначалу было не на чем. Тогда Салманов купил в колхозе “Верный путь” выездного коня Казбека» [4, с. 23], на котором, по признанию самого лихого наездника, «продельвал по 200 километров» [8].

О финансовых возможностях райцентра свидетельствует докладная записка председателя исполкома Сургутского райсовета А. Зазева, который в январе 1957 г. слезно просил у облисполкома включить в месячный бюджет 50 тыс. руб. для приобретения коммутатора и кабеля для ремонта линии телефонной связи [1, д. 113, л. 30].

Однако уже через неделю после прибытия в Сургут Юганской нефтеразведочной экспедиции ее руководитель Ф. К. Салманов, выступая на IX партийной конференции Сургутского района в сентябре 1957 года, вдохновенно говорил о масштабах предполагаемого бурения на его территории, местах строительных работ по устройству жилых и производственных зданий, объемах их финансирования. Свое яркое выступление Ф. К. Салманов под аплодисменты делегатов оптимистично завершил словами: «Здесь будет создано третье Баку!» [5, д. 220, л. 35].

Он не ошибся. Как показывают последующие события, несмотря на слабое промышленное и социальное развитие территории Сургутского района и его административного центра, в силу объективных геофизических расчетов его нефтеносности и самоотверженной работы нефтеразведочной экспедиции Ф. К. Салманова, использования благоприятных географических условий речной транспортировки необходимого строительного материала и продовольствия, сделанный в 1964 г. работавшей в Среднем Приобье Государственной комиссией под председательством академика М. А. Лаврентьева официальный вывод о выборе Сургута в качестве опорной базы для эксплуатации вновь открытых нефтяных и газовых месторождений оказался правильным. Сургут стал реальной «нефтяной столицей Сибири», центром промышленного освоения Среднего Приобья и дальнейшего продвижения России на Арктический Север.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 1. Оп. 1.
2. АОАГС. Ф. 71. Оп. 112.
3. АОАГС. Ф. 90. Оп. 1.
4. Бахиллов В. В. Дорога к нефти. Тюмень: Сред.-Урал. кн. изд-во (Тюмен. отд.), 1975. 110 с.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 113. Оп. 1.
6. К победе коммунизма. 1958. 28 февраля.
7. Мунарев П. А. Так было, так начиналось... Сургут: Сургутская типография, 2008. 153 с.
8. Новый город. 1993. 4 сентября.
9. Петрова Л. В., Показаньев Ф. Я. Сургут. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 120 с.
10. Провинци Ю. Сургутское сплетение. Штрихи сургутских времен и судеб. Сургут, 2013. 268 с.
11. Рычков Б. Сибирь-Ирак // Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень: Издательство Юрия Мандрики, 2002. 400 с.
12. Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя. М.: Молодая гвардия, 1988. 318 с.

SURGUT AT THE BEGINNING OF OIL AND GAS DEVELOPMENT OF WESTERN SIBERIA

Prishchepa Aleksandr Ivanovich, Doctor in History, Professor
Surgut State University
aiprishchepa@yandex.ru

The article describes causes for choosing the village Surgut of Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the late 1950s as the main geological area for oil prospecting taking into account research material about its possible oil-bearing capacity that was gathered in the 1930-1940s. The paper analyzes geographical causes, which drew special attention to Surgut as a resting base for drilling promising areas of the Middle Ob region. The article also reflects ambiguous response of the local authorities to decision about oil exploration works beginning in Surgut district.

Key words and phrases: geological exploration; oil and gas bed; urban planning; social development; housing problem; locality; construction materials; transport infrastructure; migration.

УДК 7; 75.01

Искусствоведение

Предметом анализа стало специфическое свойство живописного городского пейзажа (музыкальность) и его влияние на ассоциативную часть культурного ландшафта города. Принцип дополнительности, использованный в анализе ряда живописных произведений художников Барнаула, позволил выявить в них музыкальные характеристики (форма, фактура, мелодическое строение, динамика, темп, ритм, кульминация и т.д.) и проследить их влияние на образ территории города. Музыкальность живописи как компонент культурного ландшафта города рассматривается впервые.

Ключевые слова и фразы: пейзаж; музыкальность; синестезия; территория; культурный ландшафт.

Прядуха Наталия Анатольевна, к. искусствоведения
Алтайский институт экономики, г. Барнаул
natasha72_72@mail.ru

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО ПЕЙЗАЖА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ БАРНАУЛА)

Актуальность данного исследования складывается из нескольких факторов. Во-первых, изучение слагаемых образа территории, его описание, популяризация являются необычайно важными шагами на пути к определению идентичности человека, воспитанию его верной гражданской позиции, утерянной в современных условиях, патриотичности. Во-вторых, поиск критериев художественности, качества произведений современного искусства неизменно является предметом научного интереса, а музыкальность живописи уже признавалась нами в качестве такого критерия [12]. В-третьих, фиксация отдельных аспектов интерпретации произведения искусства есть определенный вклад в процесс формирования художественно-ассоциативной части культурного ландшафта города [5], который существует благодаря произведению искусства и его толкованиям. Кроме этого, анализ связей в рамках художественно-ассоциативного ландшафта города пополняет малоизученную научную область (культурный ландшафт) новыми данными. В-четвертых, изучение вероятностных феноменов, к которым частично относится и музыкальность, актуально для современной науки. В результате это может повлиять на разрушение далеких от истины, но устойчивых научных стереотипов.

В современной науке следующий ряд признаков – «ассоциативный – субъективный – случайный – бесполезный» – часто воспринимается как синонимический, что и лишает «межчувственную ассоциацию» уважительного отношения к ней [3]. Данный факт вызывает по меньшей мере недоумение, так как с самого начала объяснения синестезий как специфических ассоциаций столетие назад, когда психология находилась в стадии своего становления, в работе В. Н. Ивановского уже представлена богатейшая история и научная методология изучения данного вопроса [7]. Развитие современной научной мысли продолжает демонстрировать многообразие подходов в изучении и практическом использовании явлений синестезии в различных научных областях [4; 10-12]. Более того, «случайность, произвольность» в некоторых современных научных подходах принципиально изменили свою характеристику, став полноправными участниками научной методологии в целом.

Обращение к музыкальным синестезиям, которые являются базой для формирования понятия «музыкальность», объясняется тем, что музыка – показательный и важнейший синестезийный пример. Бесплотные звучания музыки сущностно и заметнее, чем иной сенсорной материал, стремятся к насыщенной синестезии. Поэтому многообразие синестезий обнаруживается в ней в исключительной полноте и в целостной системности [2]. Точка зрения крупного исследователя синестезии, создателя научного института изучения этого явления Б. М. Галеева признается нами авторитетной. Данная полнота и целостная системность [Там же] позволяют музыке иметь богатые возможности для выхода за пределы собственных границ. Более того, известная теорема К. Геделя о неполноте любых систем тоже дает нам существенную возможность использовать метод дополнительности в рамках исследования музыки и живописи.